

В прошлый раз, когда Чэнь Дун участвовал в общегородском состязании пенсионерских танцевальных кружков на День образования КНР, всем партнёрам-мужчинам полагалось быть в брюках от костюма и сорочке, поэтому он откопал костюм, давным-давно убранный на дно сундука. После соревнования ему было лень тащить одежду домой, и он оставил её в комнате отдыха кофейни. Благо места тут хватало, да и был у него собственный шкафчик (который, само собой, по доброте душевной завёл хозяин). Он понемногу, словно муравьишка, перетаскал сюда немало вещей.

Хань Сюнь заранее отнёс этот костюм в химчистку и на глажку, и теперь тот висел в комнате отдыха ровнёхонький, окутанный лёгким ароматом благовоний.

Надевая его спустя месяц, Чэнь Дун испытывал совсем иные чувства. Он легонько провёл рукой по ровным лацканам, неловкими, отвыкшими движениями повязал галстук, посмотрел на себя в зеркало, и человек в зеркале показался ему чужим и знакомым одновременно.

Он вдруг... Он вдруг почувствовал, что в носу защипало.

Этот костюм он купил на первый в жизни гонорар. Тогда только-только выпустился и всеми помыслами рвался стать писателем. Пока однокурсники как одержимые веером рассылали резюме на стажировки, он не искал ни одной работы — заперся дома и отчаянно строчил рукопись.

Литературный дар у него и впрямь был, да и удача не подвела: первая же повесть вошла в шорт-лист солидной отраслевой премии для дебютантов, он получил восемь тысяч премиальных и, довольный донельзя, побежал покупать костюм, твёрдо уверенный, что отныне взойдёт на самую вершину жизни!

Что посеешь, то и пожнёшь — с первой же вспашки он пожал целый костюм, ещё пара вспашек и будет рассекать на шикарной тачке, жить в шикарных хоромах, стяжать и славу, и богатство, в левой руке премия имени Лу Синя, в правой — премия имени Лао Шэ1. А к пятидесяти годам напишет столько, что книги встанут ему вровень с ростом, и редакторы издательств выстроятся в длинную очередь у самого его порога!

1. Лао Шэ (1899-1966) — классик, автор «Рикши» и «Чайной»; премия его имени присуждается за драматургию.

.....А как у него с делами обстоит теперь, все и сами видели.

Самый обыкновенный, самый заурядный, пишет маленькие историйки, живёт маленькой жизнью, числится маленьким автором.

И подумать не мог этот маленький автор, что однажды и впрямь настанет день, когда он сможет снова надеть этот костюм и выйти к своим читателям.

Как раз когда Чэнь Дун, уставившись на себя в зеркало, застыл в оцепенении, в дверь комнаты отдыха постучали.

Через несколько секунд дверь тихонько отворилась, и вошёл Хань Сюнь.

— Снаружи всё уже обустроено, ты готов? Можно начинать в любой момент.

— А, да, да-да. — Чэнь Дун торопливо опустил голову, не желая, чтобы Хань Сюнь увидел его слегка покрасневшие глаза.

Он спешно зашагал к выходу, но, когда поравнялся с мужчиной, тот его окликнул.

— Погоди-ка, кажется, чего-то ещё не хватает? — Хань Сюнь протянул руку и указал на его ноги.

Чэнь Дун знал, на что тот указывает, и смущённо поджал ноги назад:

— Кроссовки под костюм... Ты не понимаешь, это новый модный тренд.

Он и не думал, что придётся надевать костюм, поэтому сегодня пришёл на работу в самой удобной по ноге паре повседневных кроссовок, и приметная галочка-«загогулина» на них и впрямь смотрелась несколько неуместно.

Хань Сюнь подыграл ему:

— Угу, для такого сочетания вполне хватило бы попасть на страницы модного журнала, но для первой встречи с твоими читателями это недостаточно официально.

Чэнь Дун развёл руками:

— И что же делать? Я ведь не Золушка, хрустальную туфельку прямо сейчас из воздуха не наколдую. Да и лекцию я всё равно буду читать сидя, вряд ли кто-то обратит внимание, что у меня на ногах. Такие пустяки-мелочи не имеют значения.

— Золушка, может, лучше закроешь глаза и загадаешь желание? — Хань Сюнь обогнул его, открыл свой шкафчик, а затем, ровно как непременно бывает во всех сказках, достал совсем новенькую обувную коробку.

В коробке покоилась пара классических мужских дерби — тёмно-коричневый цвет был не слишком уж мрачным, на носке имелась лёгкая дизайнерская «потёртость», отчего туфли смотрелись моложаво.

— Примерь-ка. — С этими словами Хань Сюнь как ни в чём не бывало опустился перед ним на одно колено, расшнуровал тонкие шнурки и заботливо поставил туфли к его ногам.

Сердце Чэнь Дуна дрогнуло, голос упал почти до шёпота, словно он говорил сам с собой:

— ...Так ты и впрямь умеешь колдовать.

Пусть всем людям на свете было бы всё равно, в какой он обуви, но есть один человек, которому это небезразлично.

Он стянул свои кроссовки и ступил в эти новёхонькие кожаные туфли.

Не нужно, как злым сёстрам из сказки, срезать себе пятку: туфли прились точь-в-точь впору, удобно обхватили лодыжки, будто были сшиты на заказ именно для него.

— Похоже, глаз у меня довольно точный. — Только теперь Хань Сюнь поднялся, глаза его чуть сощурились, и он с улыбкой добавил: — А я-то переживал, что не подойдут.

.....Да как же они могли не подойти?

Чэнь Дун попробовал пройтись пару шагов и спросил:

— А откуда ты знаешь мой размер?

— Подготовиться с запасом никогда не лишне. — Хань Сюнь выдвинул нижний ящик своего шкафчика. Чэнь Дун вытянул шею, заглянул и с изумлением обнаружил, что там плотными рядами стоит несколько обувных коробок! Это была одна и та же модель дерби с «потёртым» носком, только внутри от меньшего к большему громоздилось сразу несколько размеров — на случай, если не подойдёт, можно было в любой момент достать другую пару на замену.

Чэнь Дун был потрясён:

— Купить столько — ты с ума сошёл?!

Хань Сюнь же был совершенно невозмутим:

— В интернет-магазине семь дней возврат без объяснения причин, неподходящие размеры просто отправлю обратно, оставляю одну пару впору и хватит.

Чэнь Дун тут же насел:

— В каком магазине ты их брал? Сколько стоит, я отдам тебе деньги.

Кто бы мог подумать, что мужчина тут же уберёт обувную коробку, закроет шкафчик и не позволит ему больше даже взглянуть:

— Ну всё, мы и так слишком задержались, малыши там, поди, заждались.

— Эй, ты... — парень хотел ещё что-то сказать, но Хань Сюнь снова его перебил.

— Чэнь Дун, это твоя первая и самая достойная того, чтобы её запомнить, авторская лекция. С того дня, как определилась дата, я всё думал, какой подарок тебе подарить, чтобы отметить этот единственный в своём роде день.

Он не должен быть слишком дорогим, потому что Хань Сюнь знал: слишком дорогой подарок, наоборот, ляжет Чэнь Дуну тяжестью на душу. И тем более он не должен быть дешёвкой, потому что Хань Сюнь хотел, чтобы этот подарок надолго оставался рядом с ним.

Так и сяк прикидывал, а пара выходных кожаных туфель подходит как нельзя лучше. Они понесут Чэнь Дуна вперёд — всё вперёд и вперёд, всё дальше и дальше по этой ухабистой и трудной писательской дороге.

Чэнь Дун почувствовал, как невидимая рука легонько сжала его сердце, обжигая горячая кровь хлынула от сердца к каждой жилочке тела, и каждое слово, срывавшееся с губ, было пропитано этим горячим, парким теплом.

— А ты и впрямь хитрюга, — пожаловался он. — Даришь мне такой душевный подарок, а я даже не знаю, чем отдариться.

Хань Сюнь покачал головой:

— Для дарителя лучшая благодарность — это когда ты будешь почаще пользоваться его подарком. Если на следующей, и на той, что после неё, и на бесчисленных будущих авторских лекциях ты сможешь надевать эти туфли — это будет для меня величайшей честью.

.....А правда ли будут следующая, и та, что после неё, и бесчисленные будущие авторские лекции?

Если бы этот вопрос задали минут на десять раньше, Чэнь Дун и не осмелился бы с уверенностью что-либо обещать. Но теперь он мог кивнуть, хлопнуть себя по груди и во весь голос объявить всему миру...

.....Он может!

Конечно, он может!

Он будет стараться стать очень крутым автором детских книг. Не только ради собственной мечты, но и ради того человека, что всегда стоит у него за спиной и поддерживает его.

— Господин писатель, — Хань Сюнь стоял у двери комнаты отдыха, держась рукой за поручень,
— Ты готов выйти к своим читателям?

— Идём — Чэнь Дун с силой выдохнул, — ...Они меня ждут.

В следующий миг.

Большая дверь комнаты отдыха медленно отворилась, гомон из зала разом хлынул Чэнь Дуну в уши, обступив все чувства. Отважный господин писатель шагнул навстречу свету и вышел.

Зал кофейни уже сменил облик.

Длинные столы, прежде сдвинутые попарно, откатали к стенам, оставив лишь несколько рядов стульев, чинно расставленных посреди опустевшего зала. Малыши же отнюдь не сидели чинно по своим местам, а перебегали с места на место, хвастаясь друг перед другом только что скачанными на телефоны-часы играми.

В кофейне была целая стена встроенных книжных стеллажей до пола. Перед ними три стола составили в один длинный, накрытый однотонной скатертью, а на нём стояла табличка, на которой уставным почерком кайшу были выведены два иероглифа: [Чэнь Дун]. Слева — выставочная подставка с сигнальными экземплярами «Великого детектива Фу Сяосы», справа — гнездышко крольчонка.

Крольчонок по кличке Рисоварка ничуть не дичилась: развалившись на столе, пропускала людские дела мимо ушей и сосредоточенно грызла погрызушку-палочку.

Рисинка первой увидела, как Чэнь Дун выходит из комнаты отдыха.

Её как раз обступили подружки, несколько человек о чём-то щебетали-тараторили, она щедро доставала наклейки с Куроми и раздавала всем. И вот, словно по наитию, она подняла голову, и точно встретила взглядом с Чэнь Дуном.

Она опешила, моргнула и почувствовала, будто больше не узнаёт этого человека:

— ...Дядя Чэнь Дун?

Чэнь Дун с улыбкой кивнул ей.

Она на пару секунд застыла на месте, наконец опомнилась, поспешно встала и громко крикнула:

— Все скорей рассаживайтесь по местам! Дядя Чэнь Дун пришёл!

Как полновластная старшая вожатая в школе, она своим словом распоряжалась куда успешнее, чем учительница Сяо Гао. По её зову одноклассники чуть ли не в мгновение ока вернулись на свои места, кто пониже ростом впереди, кто повыше сзади, и чинно расселись в пять рядов.

Е Синью как раз пользовался моментом, чтобы поправить выставочную подставку с сигнальными экземплярами. Он стоял спиной к рядам и, только услышав за спиной голос Рисинки, прервал работу и, оборачиваясь, заворчал:

— Великий писатель, ну что ты так копаешься, в конце-то концов гото...

Не договорив, он вдруг осёкся.

Чэнь Дун стоял прямо перед ним. Сшитый на заказ костюм оттенял его, как молодой белый тополёк, в нагрудном кармане был заправлен белый платок, кокетливо сложенный двумя острыми уголками, будто там спрятался озорной крольчонок, тайком высунувший длинные уши. Отдельные пряди не свисали растрёпанно, а были просто, послойно уложены гелем, открывая чистый лоб и тонкие, изящные брови и глаза. Той неизменно сопровождавшей его оправы-очков тоже было не видать, и во взгляде, перетекавшем туда-сюда, было больше живости и непринуждённости.

— Что это у тебя за выражение, не узнаёшь меня? — Чэнь Дун несколько смущённо почесал волосы.

Е Синью отшутился:

— И впрямь не узнаю... Больше двадцати лет знакомства, а я только сейчас обнаружил, что в тебе, оказывается, есть некоторая толика смазливости.

— И какая конкретно толика? — допытывался Чэнь Дун. — На десять баллов наберётся?

— Да на одиннадцать, — сказал Е Синью. — Ту самую звезду, которой тебе не хватало на Люйцзяне, сейчас и добавлю.

Чэнь Дун: — Тьфу~

— Кстати, а где твои очки? — спросил Е Синью. — У тебя диоптрии немаленькие, без очков-то хоть видишь чётко?

— Я линзы надел. — Чэнь Дун был даже рад. Когда он по-муравьиному перетаскивал сюда вещи, то закинул в шкафчик несколько однодневных пар, и сегодня они как разгодились.

Е Синью понимающе кивнул:

— Я смотрю, глаза у тебя малость покраснели — так это, оказывается, из-за линз.

Парню было неловко признаться, что глаза у него покраснели вовсе не из-за этого.

— Здравствуйте, малыши! Уверен, что все вы в зале меня уже знаете. Впрочем, знаете вы меня, должно быть, в другой моей ипостаси — «дьявола»-работника кофейни. А теперь позвольте мне ещё раз официально представиться. Меня зовут Чэнь Дун, я автор серии детских книг «Великий детектив Фу Сяосы».

Он сидел за длинным столом, взгляд легонько скользнул по обращённым к нему детским личикам. Голос немного дрожал, спрятанная под столом ладонь была вся горячая и влажная, но он мог это превазможь.

Он взял лежавший рядом экземпляр. На обложке крепкий, головастый мальчуган держал в одной руке большую лупу, а другой вёл за собой вислоухого крольчонка в галстук-бабочке, и вид у обоих был донельзя бравый.

— Очень рад, что сегодня могу поделиться с вами, малыши, этой серией детских книг. Сегодняшняя лекция делится на три этапа:

Этап первый: я проведу вас через одну из историй вместе. Сейчас сигнальные экземпляры уже разложены по вашим местам, а если кому-то не досталось — поднимите руку, дайте знать.

Этап второй: на примере этой истории я расскажу вам, как из одной жизненной «точки» можно развернуть «линию», а потом сплести «линию» в «плоскость», и так написать целую, законченную историю. Я знаю, что многие из вас очень боятся сочинений на экзамене и не знают, как набрать в повествовании нужное число слов, как написать его живо и интересно. Надеюсь, мой опыт поможет вам взять эту крепость сочинения штурмом и получить высокий балл.

Этап третий: свободные вопросы. Любые ваши вопросы, и по этой книге, и по тому, как самим учиться писать вы можете мне задать.

Поначалу голос Чэнь Дуна был ещё тиховат и не мог перекрыть гудение детского шушуканья в зале.

Но по мере того, как содержание выступления углублялось, голос его звучал всё громче, речь лилась всё плавнее. Он сидел за длинным столом, говорил вольно и складно, и весь, изнутри и снаружи, излучал ослепительное сияние.

Мысль его была проворна, уверенности — хоть отбавляй, и в этот миг он больше не был тем книжным червём-затворником, что вечно погружён в своё маленькое мирке, а был настоящим, превосходным, зрелым писателем.

По ходу его рассказа малыши понемногу делались всё сосредоточеннее. Прежде криво-косо развалившиеся на стульях тельца постепенно выпрямлялись, множество маленьких ручонок с шелестом перелистывали сигнальные экземпляры, уши торчком — лишь бы не упустить ни словечка.

Ай-яй, как же они жалели, что не взяли сегодня на урок общественной практики ручку!

Дядя-писатель рассказывал так хорошо, что они впервые узнали: оказывается, самое обыкновенное, ничем не примечательное событие из жизни, стоит обработать его словом, становится таким сочным и интересным. Некоторые из малышей пуще всего боятся писать сочинения-повествования. Умеют только сухо-пресно описать пейзаж, описать персонажа, описать событие, а допишут, глянут — ещё двухсот слов не хватает. Но, дослушав, как Чэнь Дун делится секретами письма, они готовы были хоть сейчас взять листы для сочинения и исписать все еженедельные дневнички на три месяца вперед!

Больше всего их поразило, что серия «Великий детектив Фу Сяосы» оказалась вовсе не такой детской и скучной, как они думали. Фу Сяосы и умный, и храбрый — образец для подражания. А ещё в книгах так замечательно описаны родственные узы, дружба, отношения учителя и ученика, и самые разные персонажи в них — совсем как одноклассники рядом.

Часовая встреча промелькнула в один миг, а под напором горячих вопросов время окончания всё откладывалось и откладывалось.

Рисинка несколько раз поднимала руку, желая задать вопрос, и поначалу-то думала, что Чэнь Дун уж точно первой вызовет именно её, да кто бы мог подумать, что одноклассники вокруг окажутся такими горячими. Этот озорник Цзыхань даже встал с места и поднял руку, заслонив её собой плотно-наглухо, отчего старшая вожатая разозлилась до смерти.

После того как этап свободных вопросов закончился, Чэнь Дуна обступили сорок малявок, каждый хотел заполучить у него автограф, просил написать пожелание, даже крольчонок рядом не мог отвлечь на себя их внимание.

Где же ему было видеть такие сцены. Он отродясь не устраивал встреч с читателями и, само собой, не подозревал, что когда за тобой гоняются, выпрашивая автограф — это, оказывается, так страшно.

— Дядя Чэнь Дун, давайте сфоткаемся вместе! — Рисинка после автографа не ушла, а вскинула запястье, показав свои телефоны-часы. — Я сделаю селфи на часах!

Где ж ему было видеть такую крошечную камеру. Он уставился на малюсенький экранчик и с изумлением обнаружил, что глаза у него стали супербольшие, подбородок — суперострый, кожа — супербелая, на голове выросли кошачьи ушки, а у щёк появились ещё и три закрученных уса.

— Ай-яй, этот фильтр некрасивый. — Пальчик Рисинки быстро затыкал по экрану, переключая фильтры. — Лучше вот этот, фильтр с Куроми.

Чэнь Дун скорчил экрану рожицу, и наклейки-Куроми вокруг его щёк тоже принялись меняться.

Вот так он душевно сфотографировался со своей первой поклонницей, и очень скоро за её спиной выстроилась длинная очередь — всем хотелось сняться с ним вместе. На малюсеньком экранчике телефонов-часов Чэнь Дун то обращался в Ультрамена, то превращался в Hello kitty... Через эту лекцию он стал «кумиром» в сердцах этих сорока младшеклассников.

Пока Чэнь Дун был занят раздачей автографов и фотографиями, за рабочей стойкой кофейни Чай Цзюнь крутился как заведённый.

По столешнице были расставлены несколько десятков одноразовых бумажных стаканчиков. Он доставал из холодильника бутылку за бутылкой — сок, кокосовое молоко, и разливал по ним. Рядом были припасены и всякие сладости да закусочки — малыши могли брать что угодно по желанию.

Этот идеолог и впрямь надрывался и душой, и телом. Чай Цзюню и в страшном сне не приснилось бы, что Хань Сюнь, позвонив и попросив прийти на помощь, на самом деле звал его в няньки к сорока малышам.

— В каждый стаканчик наливай поменьше, малыши и так сегодня объелись сладкого, это вредно для зубов. — Из-за барной стойки раздался голос Хань Сюня.

— Ого, фея-крёстная, благодарю за труды, и как это у вас нашлось время спуститься с небес и проруководить моей работой? — Мужчина вздёрнул подбородок в сторону места выступления и поддел: — Волшебство ваше и впрямь грандиозно — сумели-таки превратить гадкого утёнка в белого лебедя.

Перед местом выступления дети обступили Чэнь Дуна в три ряда изнутри и в три ряда

снаружи, никак ему было не вырваться.

Хань Сюнь зашёл за стойку, принял из рук Чай Цзюня кокосовое молоко и, разливая по стаканчикам, ответил:

— Ты ошибаешься. То, что гадкий утёнок превращается в белого лебедя, не имеет никакого отношения к волшебству феи-крёстной.

— Это как же?

— Гадкий утёнок изначально и был белым лебедем, ему вовсе не нужна была помощь волшебства — придёт срок, и он подрастёт, — ответил Хань Сюнь. — Да и фея-крёстная из меня тоже так себе, я скорее...

Чай Цзюнь с предвкушением посмотрел на него, ожидая, что тот изречёт какую-нибудь сногшибательную фразу.

После нескольких секунд раздумья Хань Сюнь выдал ответ:

— Слегка удачливый гениальный программист, скромный богач, обретший финансовую свободу, прилежный и добросовестный бариста, верный долгу друг, готовый прийти на выручку... А ещё его преданный читатель.

Чай Цзюнь: — ...

Чай Цзюнь: — По-моему, ты не назвал ещё кое-что, самое важное.

Хань Сюнь: — ?

Чай Цзюнь с непроницаемым лицом:

— Коварного и многохитрого мужчину-гомосексуала.

Хань Сюнь повернул голову вбок и приглушённо рассмеялся.

<http://bllate.org/book/17866/1735587>